

Хуа Чжао отыскала среди воцарившегося вокруг хаоса свою Сумку для хранения, достала из неё одежду ученицы Секты Меча Цинлин и переоделась.

Однако, окинув взглядом собственную Сумку для хранения, она заговорщически сверкнула глазами, опустилась на пол и подняла Сумку для хранения, которую Ши Ушэ всегда носил при себе.

Что касается такой вещи, как Сумка для хранения, помимо самого владельца, открыть её могли лишь тот, кому был известен секретный рунный приказ.

Пальцы Хуа Чжао легко шевельнулись, и Сумка для хранения открылась.

Присев на корточки, Хуа Чжао на мгновение замерла, вспомнив, как в прошлой жизни Ши Ушэ, уже ставший Повелителем демонов, похитил её и увел в Сферу Демонов. Тот вечно был в хлопотах и заботах, поэтому часто бросал ей свою Сумку для хранения, отдав однажды рунный приказ — именно тот самый, с помощью которого Хуа Чжао только что открыла Сумку для хранения.

Хуа Чжао обернулась и бросила взгляд на распростёртого на кровати Ши Ушэ, мысленно цыкнув.

Затем она прильнула к краю кровати и тихонько прошептала:

— Второй старший братец, одолжу-ка я немного серебра и духовных камней.

В собственной Сумке для хранения у Хуа Чжао было до жалости пусто, к тому же там не оказалось ходячей монеты, пригодной для мирских дел.

А вот Сумка для хранения Ши Ушэ была набита под завязку: в ней хватало духовных камней и пилюлей различных рангов, а также множества магических и духовных артефактов, но самое главное — в ней имелись деньги, которые можно было использовать в мире смертных.

Подумать только, в этот раз спуск с горы для изгнания нечисти возглавлял Ши Ушэ, и именно он отвечал за все расходы, связанные с едой, питьем, одеждой и передвижением учеников. Хуа Чжао собиралась пересыпать всё из сумки для хранения Ши Ушэ в свою собственную, но, подумав, беззастенчиво прицепила его сумку себе на пояс. Снова забравшись на кровать, она перевернула Ши Ушэ на другой бок, кое-как запахнула на нём растрёпанные одежды и, обняв со спины, заснула.

провозившись большую часть ночи, Хуа Чжао спала крепко и даже увидела сон.

Во сне было то самое первое время после того, как она и её младший соученик Се Фу стали даосскими спутниками. Се Фу уже начал заявлять о себе в мире заклинателей, неизменно превосходно показывая себя как на Великом турнире сект, так и во время испытаний в Тайном

царстве.

Сражаясь на пределе возможностей с пиком стадии Закладка Основания, Се Фу долго вел тяжелый бой и, едва не лишившись жизни, уничтожил сошедшего с ума старейшину на стадии Зарождающейся Души. Он прославился в первой же битве, спас множество людей и заставил адептов нескольких крупных сект быть у него в долгу.

В те времена Хуа Чжао была невероятно счастлива. Хотя её собственный уровень культивации рос очень медленно, её даосский спутник был столь могущественен и относился к ней прекрасно — нежно и страстно. Некоторое время они были идеальной парой, которой завидовали все вокруг.

Тогда тщеславие Хуа Чжао и все её эмоциональные потребности были удовлетворены сполна, и она действительно любила Се Фу. Любила его мягкий нрав и красивую внешность, любила его выдающийся ум и несравненный талант, а также жалела за низкое происхождение и стойкость перед лицом издевательств. Хуа Чжао отдала Се Фу всё, что оставил ей отец, чтобы помочь ему, помочь прославиться на весь мир и стремительно наращивать уровень культивации. В то время Хуа Чжао была уверена, что нашла идеального мужа, и в её голове были лишь мысли о верности до гроба, о паре небожителей, что вместе достигнут Дао и вознесутся.

Вот только позже Се Фу пал жертвой чужих козней, и Хуа Чжао больше не могла ему помогать — лишь другая женщина была способна вытащить его из беды. К тому же эта женщина давно любила Се Фу и была готова выйти за него замуж.

Тогда Се Фу поклялся, что никогда не предаст Хуа Чжао, но как она могла смотреть на то, как он не может отомстить за кровную обиду, чахнет в неизвестности, сброшенный с небесных вершин и растоптанный чужими ногами?

И тогда, после невыносимых душевных мук и терзаний, она в конце концов уступила свой статус даосского спутника, разделив его с другой женщиной, и вновь помогла Се Фу взойти на вершину.

Се Фу стал относиться к ней еще нежнее и почтительнее, и Хуа Чжао думала, что так тоже неплохо.

Но она не ожидала, что это лишь начало. По мере того как рос уровень культивации Се Фу, по мере того как он шаг за шагом подчинял себе различные секты и даже добился покорности от расы демонов и Расы демонов (ма), его гарем становился всё больше и обширнее. Там появлялось всё больше женщин — стройных и пышных, прекрасных, как цветы весеннего сада, среди которых были бессмертные, демоны, призраки и духи.

Пока в конце концов он не стал Императором Юйсяо, объединившим три мира, а его гарем словно не иссякающий ручей наполнялся новыми лицами, и этому не было конца.

К тому моменту Хуа Чжао уже полностью онемела от отупения.

Хотя Се Фу, как и в самом начале, не позволял никому обижать её, даровал ей славу Императрицы Юйсяо, наделил властью решать судьбы женщин из его гарема и даже позволил участвовать в управлении делами между всеми расами...

Всё это уже давным-давно шло вразрез с изначальными чаяниями Хуа Чжао.

Под конец она даже не могла ненавидеть Се Фу, ведь он никогда сам не стремился ни на ком жениться — это она, Императрица Юйсяо, в силу обстоятельств, ради участия в правлении и ради баланса различных сил постоянно принимала в его дом новых наложниц.

Се Фу всегда говорил ей: — Обрести тебя — величайшая удача всей моей жизни...

Из-за этих слов Хуа Чжао трудилась безропотно, словно ослик на мельнице, без малейших сожалений крутя жернова. Она помнила дни рождения и предпочтения каждого из детей Се Фу, хотя он сам уже не мог их назвать.

Лишь приняв смерть под ударами небесной Ань, она наконец пробудилась от долгого кошмара и пришла в себя.

Всю свою жизнь она усердно работала, надрываясь до полного изнеможения ради одного мужчины и ради так называемых простых людей всего мира, и лишь потеряла саму себя.

А взамен получила лишь одно: — Обрести тебя — величайшая удача всей моей жизни.

— Удача в твою мать... — смутно бормоча во сне, выругалась Хуа Чжао.

И взмахнув рукой, отвесила приснившемуся Се Фу звонкую пощёчину. Реальность такова: она подняла руку и с хлопком вlepила звонкую пощёчину Ши Ушэ, который, стоя к ней спиной, в темноте натягивал одежду.

— Се Чанся... — я тебя...

Хуа Чжао что-то невнятно пробормотала.

Ши Ушэ замер и медленно обернулся к лежащей на кровати Хуа Чжао. В предрассветной тьме его выражение лица было невозможно разобрать.

Чанся — таково было второе имя Се Фу, их младшего соученика.

Лишь минувшей ночью она безумствовала с ним в море страсти, достигая вершин блаженства, а во сне продолжала выкрикивать имя другого мужчины.

Ши Ушэ, не отрываясь, смотрел на нее, на ее нежное, покрасневшее во сне лицо. Вспоминая, как она раскрывалась в его объятиях прошлой ночью, и слыша, как она вновь и вновь произносит второе имя Се Фу, он почувствовал, как его взгляд становится все холоднее, словно покрываясь инеем.

Спустя мгновение Ши Ушэ протянул руку и зажал Хуа Чжао рот. Почувствовав, как ее мягкие губы слегка шевелятся под его ладонью, ощутив теплое дыхание, щекочущее кожу между большим и указательным пальцами, он медленно сглотнул. На его суровом, холодном лице промелькнуло некое подобие замешательства.

Он был готов отстраниться, но в следующее мгновение снова услышал невнятное бормотание Хуа Чжао:

— Се Фу...

Тот слабый проблеск колебания на лице Ши Ушэ тут же застыл, словно скованный льдом. Он опустил взгляд и сдвинул ладонь чуть выше, закрыв Хуа Чжао еще и нос.

Хуа Чжао почувствовала нехватку воздуха, что в точности совпало с тяжелым чувством подавленности, которое она испытывала в своем сне, будучи Императрицей Юйсяо. Сон продолжался: только после смерти она осознала, что Се Фу, этот негодяй, вовсе ее не любил. Или, вернее сказать, Се Фу не любил никого — все для него были лишь инструментом.

Освободившись от пелены забвения, она принялась вдумчиво анализировать прошлое. Вспомнила тот первый раз, когда Се Фу оказался в безвыходном положении: его клятвы о том, что он скорее пойдет против всего мира, чем против нее, а в конце — притворная скорбь и вынужденная уступка... Все это наверняка было лишь игрой!

Возможно, он и правда «любил» ее — в конце концов, кто не полюбит идеального партнера, который настолько проницателен и услужлив, что не приходится даже открывать рта? Того, кому не нужно марать руки, совершая злодеяния, потому что он сам все устроит наилучшим образом?

Во сне Се Фу был безупречен, подобно нефриту и золоту, невероятно красив, облачен в императорское одеяние, величественный и неприкосновенный.

Но Хуа Чжао не боялась его. Она прожила с ним столько лет, что в ее присутствии этот мерзавец давно растерял весь свой грозный вид. Вероятно, Императрица Юйсяо была единственным человеком в трех мирах, который не испытывал ни капли страха перед Императором Юйсяо.

Во сне Хуа Чжао с силой дернула его за корону, сбив ее набок, и расцарапала ему лицо до крови. Она так увлеклась потасовкой, что получала огромное удовольствие.

Се Фу пытался оправдаться, хотел закрыть ей рот, но это лишь разъярило Хуа Чжао, и она, подскочив, принялась охаживать его побоями. Реальность заключалась в том, что кулак Хуа Чжао уже летел прямо в лицо Ши Ушэ. Ши Ушэ с легкостью отразил атаку и прижал ладонь к ее лицу еще крепче, не давая вздохнуть.

Хуа Чжао наконец задохнулась и проснулась.

Она села, соображая с трудом, а Ши Ушэ отнял руку и просто смотрел на нее.

Она вырвалась из того сна, но еще не до конца пришла в себя и не понимала, какова ситуация вокруг: в конце концов, в прошлой жизни она действительно прожила с Се Фу всю жизнь.

Она почувствовала, что на краю кровати кто-то сидит.

Этот человек сидел к ней вполоборота, его спина была прямой и широкой, а длинные волосы, казалось, уже были аккуратно собраны.

В комнате царил кромешный мрак — точь-в-точь как в прошлой жизни, когда Император Юйсяо среди ночи вставал и уходил по делам, покидая покои Хуа Чжао.

К тому же для Хуа Чжао было не впервой во сне драться с Се Фу, и каждый раз, вдоволь натешившись в сновидении, утром она неизменно становилась чуточку нежнее с ним.

Как и сейчас, с затуманенной в голове головой, подчиняясь давней привычке из прошлой жизни, Хуа Чжао протянула руку, обвила Се Фу за шею и положила голову ему на плечо, изображая крайнюю привязанность.

А что еще оставалось делать? Разве можно было все бросить?

Вся Трехсферная область принадлежала этому человеку. Хуа Чжао управляла Императорским дворцом Юйсяо, на ее плечах лежала ответственность за мир между тремя расами, а миллионы слабых и несчастных людей были подобны огромной сети, что удерживала Императрицу Юйсяо на месте, не позволяя ей сделать и шагу.

Разве могла она потакать своим капризам? Она не смела потакать своим капризам...

Это чувство бессилия и невозможности вырваться на волю накрепко заперло все желания Хуа Чжао глубоко внутри, породив ту самую покладистую, величественную, мудрую и добродетельную Императрицу Юйсяо.

Как же это жалко.

А в реальности из-за столь внезапной близости со стороны Хуа Чжао спина Ши Ушэ мгновенно оцепенела, а по телу от поясницы до самой макушки пробежала сладкая дрожь. Они провели вместе всю ночь, и это объятие Хуа Чжао мгновенно затянуло Ши Ушэ в ту влажную, мягкую и блаженную пучину, заставив его затаить дыхание.

Хуа Чжао же, закончив заниматься самобичеванием, сонно приподнялась на коленях в постели и, не открывая глаз, пошарила руками по спине Ши Ушэ, собираясь завязать ленты императорского головного убора Се Фу, как делала это по утрам все те годы.

В итоге рука Хуа Чжао пошарила под подбородком сидевшего перед ней человека и не нащупала абсолютно ничего.

Мм?

Хуа Чжао невнятно бормонула:

— Ваше Величество, а где же ленты вашего венца?..

В тот же миг ее запястье крепко схватили.

Ваше Величество? Какое еще Величество? И кто этот Ваше Величество? Ши Ушэ, крепко сжав запястье Хуа Чжао, повернул голову и посмотрел на неё с суровым видом.

Хуа Чжао, почувствовав боль от его хватки, нахмурилась и открыла глаза. За окном уже занимался рассвет, и хотя в комнате всё ещё было темно, Хуа Чжао как культиватор мгновенно разглядела лицо Ши Ушэ во всех деталях.

Она захлопала глазами, уставившись на него.

Спустя мгновение:

— Второй старший брат? — позвала она.

А затем внезапно рассмеялась — ярко и ослепительно, так, что её прекрасные глаза изогнулись подобно двум полумесяцам.

Она окончательно пришла в себя и осознала: она переродилась! Больше не будет никаких проклятых Императора Юйсяо и Императрицы Юйсяо! И к тому же, она наконец довела до конца дело, которое в прошлой жизни упустила — превратила сырое зерно в готовую кашу!

— Второй старший брат! — Хуа Чжао обвила его шею руками, развернулась в его объятиях и села к нему на колени. Почти касаясь его носа своим, она спросила: — Тебе уже лучше? Миазмы Страсти развеялись?

Её гибкое и горячее тело прильнуло к Ши Ушэ, словно повиликовое растение, не имеющее костей.

Ши Ушэ оставался неподвижен. Эмоции в его глазах сменялись одна за другой, пока, наконец, не были полностью подавлены и спрятаны в глубине его радужек цвета глазури.

Он медленно поднял взгляд на Хуа Чжао, которая была совсем рядом. Его взор стал острым, словно стальной нож, способный содрать слой кожи, — казалось, он готов был разобрать её на части, чтобы докопаться до сути и понять, что же она... задумала.

Но не успел Ши Ушэ вымолвить хоть слово, как Хуа Чжао произнесла:

— Раз уж миазмы рассеялись, — она проигнорировала взгляд, которым он готов был её проглотить живьём, взяла его руку, лежавшую рядом, и прижала к своей щеке, потеревшись о ладонь. — Ведь это был мой первый раз...

Хуа Чжао притворилась застенчивой:

— Второй старший брат, ты должен нести за меня ответственность.

Она решила прильнуть к нему всерьёз, и её ничуть не смущало, что она говорит неправду — в конце концов, в этой жизни это действительно был её первый раз.

Услышав это, Ши Ушэ не изменился в лице. Он не стал спрашивать, зачем она вчера намеренно его соблазняла, и не придавал значения её словам о первом разе. Он просто пристально смотрел на неё, ведя ладонью от её виска вниз, погладил по подбородку, а затем едва ощутимо провёл пальцами по шее.

В то же время Ши Ушэ слегка моргнул, и в его глазах на мгновение мелькнула рунная печать, а затем быстро погасла.

Это была Печать рун Куньянь — метка, предназначенная для выявления демонической скверны, вселения чужой души в тело, призраков и прочих аномалий, а также для проверки целостности трёх душ и семи тел. С самого утра, как только он проснулся, Ши Ушэ уже седьмой раз активировал её, но как бы он ни старался, не мог обнаружить в Хуа Чжао ничего странного.

Ши Ушэ не был из тех, кем можно манипулировать с помощью красоты. Даже несмотря на чувства к Хуа Чжао, о которых он никогда не говорил вслух, если бы она действительно была чем-то неестественным, он бы не проявил снисходительности.

Раз он ничего не увидел, оставалось лишь два варианта: либо с Хуа Чжао действительно всё в порядке, либо её телом завладела могущественная сущность, которую он не в силах распознать. Последнее было маловероятно: печать в его глазах была наложена самим его наставником, старейшиной Хунбо, и перед ней не мог укрыться ни один демон.

Хотя это всё ещё не объясняло резкую перемену в поведении Хуа Чжао, Ши Ушэ всё же убрал руку с её шеи, и то опасное напряжение, что сковывало его, немного отступило.

Хуа Чжао сидела у него на коленях, а Ши Ушэ опустил взгляд, не решаясь обнять её в ответ. Он не размышлял о том, как поступить, — он был в растерянности. До него наконец дошло, в каком он смятении, особенно перед лицом такой Хуа Чжао. Он никогда не сталкивался с подобным и за всю свою жизнь не смел даже мечтать, что она будет вести себя с ним так.

Однако Ши Ушэ был человеком с непререкаемым авторитетом. Привыкший к сдержанности и всегда скрывающий свои чувства, он даже эту растерянность не позволил никому заметить.

Хуа Чжао тоже не могла его разгадать — боги знают, как мало они на самом деле друг друга знали. Она наблюдала за выражением его лица и думала: странно, разве он не должен быть вне себя от радости? Разве он не любил её до такой степени, что готов был, как говорится, улыбаясь, выпить яд? Теперь, когда они близки, разве он не должен сжать её в объятиях и бесконечно переспрашивать, правда ли она хочет быть с ним? Почему же такая реакция?

Хуа Чжао с нервным сглатыванием слюны почувствовала, как её охватывает неловкость. Но если Ши Ушэ не испытывает к ней чувств, то как объяснить Миазмы Страсти Яоби? Его вчерашняя страсть и безумие точно не были притворством. Ши Ушэ в одежде и Ши Ушэ без одежды — это два совершенно разных человека...

Хуа Чжао набралась смелости, снова обняла его за шею, надула губы и с громким чмоком поцеловала его в щеку.

— Мне всё равно, Второй старший брат, ты должен взять на себя ответственность.

Ей ужасно хотелось сесть ему на шею. После того как в прошлой жизни её похитили в Сферу Демонов, она всегда находила странным, почему Ши Ушэ, с которым они почти не общались, так точно знал все её предпочтения.

Вся комната была застлана пушистыми коврами, кровать была такой мягкой, что в ней утопаешь, шторы всегда были задернуты, скрывая день и ночь, свет свечей был мягче, чем у Лампады Вечного Света, повсюду валялись бесчисленные сборники сказок, были запасы сладостей, охлажденные фрукты и теплый источник для купания... Даже Се Фу, с которым она прожила четыреста лет, вряд ли знал о ней столько.

Всё это стало началом её падения. Если бы она тогда не сбежала, промедли она ещё немного, она бы уже не выбралась! Можно лишь сказать, что любовь Ши Ушэ была глубокой и искренней.

Вспоминая о тех днях, Хуа Чжао отбросила всякое стеснение. Она потянулась к его губам. Она видела Печать рун Куньянь в его глазах, но не боялась: хотя она и переродилась, она — это она, посланная самим Небесным Путём, в ней нет ничего порочного.

Опустив голову, она без труда коснулась губ Ши Ушэ и кончиком языка попыталась приоткрыть его рот, но он слегка отклонился в сторону.

У него перехватило дыхание. Вчерашнее безумие не шло ни в какое сравнение с этим крошечным прикосновением влажного языка. Ши Ушэ почувствовал, что Хуа Чжао сейчас словно демон-небожитель, похищающий его душу из тела.

Он отвернулся, его кадык судорожно дернулся. Сдерживая накатывающую волну желания, он начал практиковать технику внутренней ци, чтобы подавить её.

Хуа Чжао, не добившись поцелуя, помедлила и спросила:

— ...Второй старший брат, ты ведь не собираешься отступать, раз миазмы развеялись?

Воздух в комнате застыл из-за странной атмосферы между ними. Спустя долгое время Ши Ушэ наконец заговорил.

— Как только вернусь в секту, доложу наставнику о нас, — голос Ши Ушэ всегда был тверд. Он привык отдавать приказы, его речь была холодной, сдержанной и убедительной, и каждое слово, слетавшее с его губ, имело вес. Но сейчас в его голосе проскользнула едва уловимая дрожь.

От этих легких слов Хуа Чжао вздрогнула. Она не успела порадоваться, как тут же вспомнила о другом! Она взглянула на Печать лотоса на своём запястье.

В Секте Меча Цинлин не практиковали путь отсутствия эмоций. Большинство учеников происходили из кланов культиваторов, и браки между ними были обычным делом. Стоило им возлюбить друг друга, договориться и получить благословение старших, как они становились даосскими спутниками, вместе искали путь к вершине, а секта даже предоставляла им подходящие техники для совместной практики.

Иными словами, если доложить старшим и пройти официальный путь, никто не стал бы возражать, и они могли бы официально пожениться.

Ши Ушэ не просто так заговорил — он сразу предложил стать её даосским спутником!

Хуа Чжао была рада... теперь она могла бы совершенно законно «сесть ему на шею». Но, глядя на печать лотоса, она испугалась. Она только переродилась и не знала, какие события в сюжете нельзя нарушать. Вчера она спала с ним, и лотос не завял, но если она, законная жена Сына Небесного Пути, сразу же станет даосским спутником другого, не завянет ли цветок?

Она с таким трудом переродилась, что не смела ставить свою жизнь на кон — многие вещи нужно было исследовать постепенно.

Её разум немного прояснился, и по спине пробежал холодок. От радости после возрождения она стала слишком беспечна и слишком поторопилась с Ши Ушэ.

Она замялась и спустя мгновение произнесла:

— Не... не слишком ли это поспешно?

Ши Ушэ в ответ коротко усмехнулся, голос его звучал холодно. Он посмотрел на Хуа Чжао, но она отвела взгляд, не смея встретиться с ним глазами.

Она поскребла Печать лотоса на запястье и, выдержав его пронзительный, леденящий взор, сказала:

— Не к спеху ведь. Я, конечно, буду очень счастлива стать твоим даосским спутником, Второй старший брат, но сейчас... я...

Хуа Чжао лихорадочно соображала и наконец нашла достойный предлог:

— Мой отец... моего отца сейчас нет в секте, об этом деле нужно спросить у него!

Сказав это, она покрылась холодным потом, украдкой наблюдая за лицом Ши Ушэ. Её отец, Хуа Лянмин, был старейшиной Секты Меча Цинлин и мастером пилюль. По сюжету его действительно не должно было быть в секте. Должно быть... правда ведь не должно?

Лицо Ши Ушэ смягчилось. Он чуть изогнул губы в подобии улыбки, хотя в ней не было радости. Глядя на Хуа Чжао, он медленно произнёс:

— Хорошо, тогда дождусь возвращения старейшины Минъюэ и лично доложу ему.

Хуа Чжао выдохнула:

— Хорошо.

<http://bllate.org/book/22424/2354329>